УДК [882:271.2-247].06

DOI: 10.21779/2542-0313-2018-33-4-50-58

Э.Н. Ширванова, Р.М. Гаджиева

**Образ Иуды Искарота в контексте канонического и апокрифического
Евангелия в одноименной повести Леонида Андреева**

*Дагестанский государственный университет: Россия, 367001, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; almirash18@gmail.com*

В статье проведен анализ образа главного героя повести Леонида Андреева «Иуда Искарот». Произведение рассматривается как «новый миф», сконструированный на основе канонических Евангелий и апокрифического «Евангелия от Иуды». Предпринята попытка раскрыть внутренний смысл писательской интерпретации евангельских событий, за которой стоят «поиски истины». Особое внимание уделяется описанию героя, т. к. внешность отражает внутреннюю сущность человека. Леонид Андреев, раскрывая психологию своего героя, отмечает не только его отрицательные черты, но и положительные. В статье доказывается, что он пытается оправдать поступок Иуды-предателя, в связи с чем часто обращается к апокрифическому «Евангелию от Иуды», в контексте которого и дает трактовку образа тринадцатого ученика Христа. Автор оправдал не Иуду как личность, а само предательство, поставив тем самым под сомнение евангельскую истину.

Таким образом, повесть Леонида Андреева «Иуда Искарот» с полным правом может быть названа стилизованным апокрифом. Взяв за основу евангельский сюжет, писатель дает совершенно противоположную общепринятой трактовку евангельских событий и их участников. Но, предлагая свой вариант истории предательства Христа, Леонид Андреев исследует истинность концепции человека, созданную еще Великим Инквизитором Достоевского и подхваченную его наследником – ницшеанским «сверхчеловеком» XX века, который в своих претензиях на владение истиной показал губительность идеи богочеловека для всего мира.

Ключевые слова: *Леонид Андреев, повесть «Иуда Искарот», Священное Писание, Евангелие, апокриф, миф.*

Многие произведения нашей отечественной словесности отличает такое качество, как христианское миропонимание, религиозный характер отображения реальности. Проблема человека в ситуации между «есть Бог» и «нет Бога» всегда была и остается актуальной для русской литературы, которая «по сравнению с западноевропейским контекстом так интенсивно и напряженно ищет Абсолюта, ищет ответы на эти вопросы» [7, с. 17]. Религиозность русской литературы проявляется не только в определенном отношении к церковной жизни и особом взгляде на мир, в постоянных поисках истины, но и в исключительном внимании к сюжетам Священного Писания.

Библия всегда была и остается одним из источников литературного творчества русских писателей. Однако истины и заветы этой вечной «Книги книг», ее

нравственные ценности и художественные идеалы каждый автор интерпретирует по-своему. В русской литературе немало произведений, в которых та или иная ветхозаветная или новозаветная история, следуя законам художественного повествования, предстает в совершенно новом обличье. Вроде бы и сюжет основан на библейском сказании, и имена героев те же, что и в Библии, но персонажи библейского повествования, перенесенные в новое сюжетное пространство, говорят, действуют и мыслят уже по-иному, в контексте идей их создателей, которые, опираясь на первоисточник, пытаются донести до читателя свое понимание библейских образов. К таким произведениям относится и повесть Леонида Андреева «Иуда Искарот».

Автор весьма своеобразно трактует образ Иуды, благодаря чему повесть, основанная на тексте канонического Евангелия, сближается с апокрифом. Литературоведческих работ, посвященных изучению повести Леонида Андреева «Иуда Искарот» вне контекста всего его творчества, крайне мало. В современном литературоведении остро стоит проблема трансформации евангельских образов в художественных произведениях, особенно образов, которым Священное Писание не уделяет должного внимания. К таким образам относится и образ Иуды Искарота, одного из учеников Иисуса Христа.

Повесть Л.Н. Андреева «Иуда Искарот» (иногда исследователи называют это произведение рассказом) необходимо рассматривать в контексте философской прозы, поскольку писатель, исследуя своего героя «в пограничной ситуации», ставит экзистенциальный эксперимент, направленный на поиски истины.

Что мы знаем из Евангелия об Иуде? Говоря современным языком, Иуде в Священном Писании Нового Завета отводится эпизодическая роль. На протяжении всего повествования Иуда Искарот практически не выделяется на фоне других апостолов. Как самостоятельная фигура он появляется только в заключительных главах всех четырех Евангелий. Вот мы видим его в доме Марфы и Марии, где он негодует по поводу того, что Мария помазала ноги Иисуса Христа драгоценным миром. Об этом нам рассказывает евангелист Иоанн и дословно приводит реакцию Иуды на такое расточительство ценного масла: «Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?» (Ин. 12: 5). И чтобы пояснить, кто такой Иуда, евангелист вводит уточняющую ремарку: «Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому, что был вор. Он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали» (Ин. 12: 6).

Далее мы встречаемся с Иудой Искаротом на Тайной Вечере в Гефсиманском саду, где Христос открыто указывает на него как на предателя. Последний раз в Евангелии Иуда появляется уже после своего предательства. Евангелист Матфей, описавший этот эпизод, в какой-то степени оправдывает Иуду, который «возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную... И, бросив сребренники в храме, он вышел, пошел и удавился» (Мф. 27: 3–5). Таким образом, из канонических Евангелий мы узнаем, что: а) Иуда был казначеем, б) Иуда предал Христа, в) Иуда раскаялся и по этой причине совершил самоубийство. Причины, которые побудили Иуду пойти на предательство своего учителя, ни в одном из четырех Евангелий не раскры-

ваются. Выявить эти причины попытался Леонид Андреев. Он строит свое повествование не только на канонических Евангелиях, но и на апокрифических сказаниях, которые не признаются церковью.

Апокрифы (в пер. с греч. «отреченные книги») – это «сокровенные, тайные писания, неизвестно от кого изданные и на церковных службах всенародно не читаемые» [8, с. 20]. До нашего времени дошло около пятидесяти апокрифических евангелий. Наиболее известны из них «Евангелие от Фомы», «Евангелие от Никодима», «Евангелие от Петра» и «Евангелие от Иуды» [4].

«Евангелие от Иуды» было обнаружено в 1978 году в Египте. Конечно, оно не могло быть написано самим Иудой, поскольку последний, как известно, покончил с собой. Но уже в этом Евангелии дается иная интерпретация отношений Иисуса Христа с Иудой, о котором, как мы уже отмечали, речь идет только в заключительных главах. В каноническом Евангелии Иуда почти не говорит, а апокрифическое Евангелие построено на частной беседе Иуды со своим учителем, который, согласно тексту этого Евангелия, любил своего ученика и доверял ему [1].

Апокрифическое «Евангелие от Иуды» породило множество литературных интерпретаций, которые А.В. Татарinov называет стилизованными апокрифами. В узком значении термина стилизованный апокриф – это «художественное произведение, представляющее Священное Писание как литературный сюжет, это своеобразная игра в тайное знание о Христе и его окружении, религиозная значительность и самостоятельность которого неизбежно корректируется пребыванием в эстетическом пространстве» [16, с. 47–48]. Повесть Леонида Андреева «Иуда Искарот» также можно отнести к стилизованным апокрифам.

У Леонида Андреева Иуда – главный герой. Именно Иуда, а не Христос, личность которого «чаще всего становится сюжетным центром повествования в самых разных произведениях на библейскую тему» [10, с. 129].

Уже в самом начале повести писатель отводит значительное место его портрету. Учитывая специфику образа Иуды-предателя, Андреев почти не отходит от христианских канонов, представляя своего героя уже в начале повести как человека невиданно безобразного, лживого и омерзительного. Писатель называет Иуду услужливым, лстивым и хитрым, а его желание войти в состав учеников Иисуса истолковывается как злой и коварный расчет [3, с. 24–25].

Интерес представляет физиологическая характеристика Иуды, данная Андреевым. Внешность предателя Христа отражает его внутреннюю сущность. Писатель подробно описывает строение черепа Иуды: «точно разрубленный с затылка двойным ударом меча и вновь составленный» [3, с. 25]. Череп, как известно, – это символ смерти. А поскольку евангельский Иуда несет смерть, то Л. Андреев уделяет большое внимание описанию черепа, за которым «не может быть тишины и согласия», а всегда «слышится шум кровавых и беспощадных битв» [3, с. 25–26].

Еще одной «точкой опоры», раскрывающей личность Иуды, является его двуликость. Следует отметить, что «на двуликость героев Л. Андреева указывал

И. Анненский, рассматривая в этом продолжение традиций Ф. Достоевского» [9, с. 179].

Двуличие своего персонажа Андреев передает через описание его лица, которое построено на антитезе: «одна сторона его, с черным, остро высматривающим глазом, была живая, подвижная <...> на другой же не было морщин, и была она мертвенно гладкая, плоская и застывшая <...> казалась огромною от широко открытого слепого глаза», «покрытый белесой мутью, не смыкающийся ни ночью, ни днем, он одинаково встречал и свет, и тьму» [3, с. 26].

С точки зрения С.В. Зеленцовой и Е.А. Михеичевой, портрет Иуды, данный писателем, «усиливает ведущий мотив таинственного двойничества», и кажется, что «андреевский Иуда – не совсем человек, что отличает его и от самого Христа, и от апостолов, в которых подчеркнуто именно «людское»... В тексте постоянно делается акцент на «звериной» природе Иуды, мистической, непонятной окружающим людям: он сравнивается то с «нечистым насекомым», то с гиеной, то с осьминогом или скорпионом [10, с. 129].

В повести «Иуда Искарот» будущий предатель Христа входит в число его избранных учеников: «Даже люди, совсем лишенные проницательности, ясно понимали, глядя на Искарота, что такой человек не может принести добра, а Иисус приблизил его» [3, с. 26].

Об «избранности» Иуды ни в одном из канонических Евангелий не сказано. Да, из «Евангелия от Иоанна» мы узнаем, что Иуда заведовал ящиком для пожертвований, т. е. был казначеем. Но этот факт еще не является доказательством доверительного отношения Христа к нему. А вот апокрифическое «Евангелие от Иуды» проникнуто доверием Христа к своему самому злобному и самому завистливому ученику. Более того, Христос, согласно этому «Евангелию», любил Иуду и даже называл его святым. В апокрифе Иисус, указывая на других учеников, говорит Иуде: «Ты же превзойдешь их всех, ибо человека, который носит Меня в себе, ты принесешь в жертву» [2, с. 197].

В своей повести Андреев меняет местами Иуду с другими учениками, в результате чего появляется совершенно новый образ творца распятия: Иуда создает Голгофу. Несмотря на все кривляния и ужимки Иуды, Андреев делает из него сильного человека, в то время как других апостолов писатель рисует слабыми личностями. Г.А. Соколов считает, что «его отчужденность, завистливая, скрытая враждебность к другим апостолам (Петру, Иоанну) обусловлены тем, что для Иуды Иисус – тот, с кем не могут запросто разговаривать простые люди – так сказать, люди вообще, ибо они не способны понимать его. Апостолы, которых Иуда презирает, всё время лепечут о своей любви к Иисусу, но только Иуда любит его, как он считает, не просто сильнее, но по-настоящему – так, как должно, потому что понимает, кто он» [14, с. 166].

По мнению Е.А. Михеичевой, «Иуда являлся сильным, чистым и самым посвященным из всех учеников Христа: он знал о неизбежности жертвы Христа и своей роли в этом жертвоприношении» [11, с. 267]. «Сила» Иуды связана с его происхождением. Тринадцатый апостол утверждает, что его отец – «козел», т. е. дьявол. Связь Иуды с дьяволом прослеживается в «змеиных» чертах Иуды. Как

известно, дьявол в образе змеи искушил «прародительницу рода человеческого» – Еву, в результате чего мир раскололся надвое – на добро и зло. И Андреев в своей повести делает ремарки, которые помогают соотнести образ Иуды с образом первого искушителя: «Иуда отполз» [3, с. 28], «...идя, как все ходят, но чувствуя так, будто он волочился по земле» [3, с. 28].

Несмотря на то, что в Иуду вселился Сатана, он не менее близок Христу (на известном рисунке Андреева они похожи, как братья), так как его душа совмещает несовместимое. Образ Иуды, как считает Н. Федотова, построен на контрасте – не только внешнем, но и внутреннем: «В герое сочетается мертвое и живое, притворное спокойствие и взволнованность, лживость и искренность» [17, с. 132].

На протяжении всего андреевского повествования разворачивается поединок Христа и Сатаны, т. е. Бога и дьявола. Христос и Иуда – антиподы, но, несмотря на это, Иуда в повести имеет над толпой такую же власть, как и Учитель, очаровывая ее «какой-то странной силой» [3, с. 34]. Его «чудовищный» облик и поведение наводят ужас и на учеников Иисуса, которые угадывают в нем сына дьявола.

Что же побудило Иуду совершить акт предательства? Писатель пытается разгадать эту тайну, наполняя свою повесть философским и психологическим содержанием.

Прежде всего следует отметить бунтарский, мятежный характер Иуды. И.И. Москвина, комментируя поступок Иуды с этой точки зрения, пишет: «Ученики Христа не обладают самостоятельным мышлением и не способны на самостоятельные поступки. Мысль свободна лишь у Христа и Иуды. Но если Христос уже обладает истиной, то Иуда, хотя и предполагает, что знает людей и жизнь лучше Христа, сомневается в своем знании и страстно стремится постичь правду о мире и человеке. Поскольку Христос молчит и не вступает в спор с Иудой, у Иуды остается лишь одна возможность для проверки своей идеи – предать Христа, чтобы посмотреть, как будут вести себя его ученики и все остальные люди. Это активное экспериментаторско-бунтарское начало отличает Иуду и от Христа, и от его учеников, так как оно дьявольского происхождения. Поэтому Иуда предстает у Андреева как Дух сомнения и бунта» [13, с. 145].

Поводом к предательству также могло послужить одиночество, отверженность Иуды. Андреевский Иуда говорит, что любит Христа. Но нигде в повести не сказано, что Христос любит Иуду, хотя теплое отношение к «тринадцатому апостолу» в некоторых ремарках раскрывается. Андреев говорит о том, как учитель иногда бросает ласковый взгляд в сторону Иуды, улыбается, глядя на него, а когда долго не видит будущего предателя рядом с собой, спрашивает: «Где Иуда?» Однако лживость Иуды заставляет Христа, не любящего лжи и в канонических Евангелиях, отворачиваться от него, не замечать своего ученика, что камнем ложится на сердце тринадцатого апостола и вызывает страшную ревность, которая также, как считает Андреев, может стать мотивом предательства.

Мысль о предательстве возникла у андреевского Иуды не сразу, она формировалась постепенно. Будучи по своей натуре завистливым, обладая безмерной гордыней, Иуда не может простить своему Учителю, что он отдаляется от него,

что он относится, как ему кажется, к другим ученикам лучше, чем к нему: «Почему он не любит меня? Почему он любит тех? <...> Почему он не любит меня? Почему он любит тех, кто его не любит?» [3, с. 40].

Но предательство уже задумано, как задумана и смерть предателя – им же, предателем, и задумана: «А теперь он погибнет, и вместе с ним погибнет и Иуда» [3, с. 40]. Таким образом, андреевский Иуда предопределяет не только смерть Спасителя, но и свою собственную смерть, благодаря которой он, возможно, окажется рядом с любимым им Христом в Царствии Небесном. Он не хочет делить своего учителя ни с кем, прямо заявляя апостолам, что именно он будет рядом с Иисусом в ином мире.

В апокрифическом Евангелии Иуда рассказывает Христу сон: «Я видел себя в видении, и двенадцать учеников побивали меня камнями. Они [сильно] преследовали [меня], и я возвратился в место... за Тобой» [2, с. 192]. Эти мечты Иуды присутствуют и в повести Л. Андреева.

Все ученики говорят, что любят Иисуса. Но как они поведут себя в час испытаний? Вот Иуда и стремится это проверить. Может оказаться, что любят Иисуса «другие» только на словах. И тогда Иуда восторжествует. Поступок предателя – это стремление проверить любовь других к Учителю и доказать свою любовь. Таким образом, по Андрееву, получается следующее: чтобы высветить и дать нравственную оценку поступкам «других» людей, необходимо совершить акт предательства.

С другой же стороны, сюжет движется и личным стремлением Иуды быть понятым Учителем, побудить его обратить на него внимание, оценить его любовь. Иуда создает экзистенциальную ситуацию – ситуацию выбора, которая должна стать моментом психологического, нравственного откровения для всех участников этого великого испытания.

Иуда в повести Л. Андреева много говорит, произведение переполнено монологами Иуды и диалогами, в которых ему отводится значимая роль.

Р.С. Спивак обнаруживает в повести приоритет творческого начала и разграничивает в ней (и на основании речи тоже) два типа сознания: косное, нетворческое (верные ученики) и творческое, освобожденное от давления догмы (Иуда Искарот). Косность и бесплодность первого сознания, основанного на слепой вере и авторитете, над которым не устает издеваться Иуда, находит воплощение в однозначной, бедной речи верных учеников. Речь же Иуды, сознание которого ориентировано на свободное творчество, изобилует парадоксами, намеками, символами, поэтическими иносказаниями» [15, с. 393].

Андреевский Иуда обретает грандиозные масштабы, он уравнивается с Христом, рассматривается как участник пересоздания мира, его преображения. Он начинает «строить что-то огромное», поднимает «какие-то громады, подобные горам» [3, с. 39].

Если в каноническом Евангелии камнем назван Петр, то у Андреева Петр – слабый и малодушный человек, а с камнем писатель сравнивает Иуду, который сидит, «не шевелясь... неподвижный и серый, как сам серый камень» [3, с. 35]. По

мысли Андреева, именно твердая сила характера помогла Иуде совершить предательство.

В повести «Иуда Искарот» андреевский герой является победителем. Поэтому к концу повествования он «ступает твердо, как повелитель, как царь». Но жесток ли андреевский Иуда, равнодушен ли он к тому, что уже свершилось – к смерти Христа? Нет, конечно. Ведь он любит Христа – по-своему, но любит. И ждет, ждет Иуда, когда толпа зрителей, собравшихся посмотреть на казнь «преступников», спасет своего Иисуса, поймет, что его казнь была ошибкой.

Последний свой монолог Иуда ведет среди священников синедриона, обвиняя их в смерти Иисуса: «Он не был обманщик. Он был невинен и чист. Вы слышите? Иуда обманул вас. Он предал вам невинного» [3, с. 72].

Этот монолог – самый сильный в повести. Иуда себя не оправдывает, но винит в смерти Христа не только себя, а все человечество, к которому он также относится: «Сегодня я видел бледное солнце. Оно смотрело с ужасом на землю и говорило: где же человек? Сегодня я видел скорпиона. Он сидел на камне и смеялся и говорил: где же человек? Я подошел близко и в глаза ему посмотрел. И он смеялся и говорил: где же человек, скажите мне, я не вижу!» [3, с. 72]. Так знаменитый афоризм М. Горького «человек – это звучит гордо», у Андреева превращается в «несуществование человека».

Какой вывод можно сделать из всего вышеизложенного? У Л. Андреева Иуда представлен своеобразным «искателем истины», каким был и сам писатель. Если в каноническом Евангелии образ истины связывается с образом Иисуса Христа как некоего высшего идеала, к которому должно стремиться погибающее в грехах человечество, то в повести Л. Андреева истину несет Иуда, образ которого ближе к апокрифическому «Евангелию от Иуды». Демонически-дьявольское начало в Иуде Леонид Андреев связывает с его ищущей и сомневающейся мыслью. Чтобы найти свою истину, Иуда заплатил двойную цену: сначала жизнь самого дорого ему человека – Христа, а затем собственную жизнь. Однако истину он так и не обрел. Став свидетелем краха представлений Христа о человеке, он все же не утвердился в своей правоте.

Но и истина Христа, за которую Иуда заплатил своей жизнью и которую проверил в своеобразном пассивном эксперименте (зная замыслы Иуды, он не противодействовал им), не предстает в «Евангелии от Андреева» как окончательно утвержденная и восторжествовавшая. Е.А. Михеичева, осуществившая сопоставительный анализ интерпретаций евангельского текста на примере нескольких произведений русской литературы, затрагивающих тему Иуды Искарота, сделала вывод, что Андреев более последовательно, чем остальные писатели, воспроизвел евангельскую фабулу, ничего не меняя и почти ничего не добавляя [12]. Но исследовательница не обратила внимания на то, чего Андреев не воспроизвел. А ведь писатель не случайно повествует лишь о распятии Христа, поставившем под сомнение его правду, и не изображает воскресение Иисуса. Истины Христа и Иуды оказываются относительными. Поэтому, вопреки мнению исследователей, в их идеологическом споре нет победителей. Об этом же свидетельствует и открытый финал «нового Евангелия», созданного Леонидом Андреевым.

Литература

1. Жебелев С.А. Евангелия канонические и апокрифические. – М.: URSS, 2019. – 130 с.
2. Евангелие Иуды Искарота // Евангелие Истины: двенадцать переводов христианских гностических писаний / пер. Д.М. Алексеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – С. 180–218.
3. Андреев Л.Н. Иуда Искарот // Андреев Л.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. – Т. 5 – М.: Наука, 2012. – С. 24–77.
4. Апокрифы древних христиан: исследование, тексты, комментарии. – М.: Мысль, 1989. – 336 с.
5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. – М.: Российское Библейское общество, 2011. – 1431 с.
6. Гусева Т.К. Экзистенциальные мотивы в творчестве Л. Андреева и М. де Унамуно: типологические связи: дис. ... д-ра филол. н. – М., 2014. – 389 с.
7. Дашевская О.А. Проблемы изучения христианских аспектов русской литературы XX века в постнеклассическую эпоху // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 377. – С. 16–21.
8. Дьяченко Г., прот. Полный церковно-славянский словарь. – М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993. – 1126 с.
9. Заяц С.М. Леонид Андреев как темно-светлый лик Серебряного века // Вестник славянских культур. – 2017. – Т. 46. – С. 185–191.
10. Зеленцова С.В., Михеичева Е.А. Трансформация образа Иуды: опыт Л.Н. Андреева и Амоса Оза // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 1 (78). – С. 126–133.
11. Михеичева Е.А. Леонид Андреев – Даниил Андреев: миссия «вестничества» // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 266–270.
12. Михеичева Е.А. Творчество Леонида Андреева в контексте русской литературы начала XX века: учебное пособие к спецкурсу. – Орел, 1993. – 98 с.
13. Московкина И.И. Между «pro» и «contra»: координаты художественного мира Леонида Андреева: монография. – Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2005. – 288 с.
14. Соколов Г.А. Парадокс как принцип художественного метода Леонида Андреева // История и культура. – 2013. – № 11. – С. 153–177.
15. Спивак Р.С. «Иуда Искарот» Л. Андреева. Поэтика и интерпретация // «SINEARTENIHIL»: сб. науч. тр. – Белград; М., 2002. – С. 284–302.
16. Татаринов А.В. Художественные тексты о евангельских событиях: жанровая природа, нравственная философия и проблемы рецепции: дис. ... д-р филол. н. – Краснодар, 2006. – 648 с.
17. Федотова Н. Психологический контраст как форма реализации авторской концепции в рассказе Л. Андреева «Иуда Искарот» // Проблемы анализа и

интерпретации текста: сб. науч. трудов Министерства образования и науки Российской Федерации. – Курган, 2016. – С. 132.

Поступила в редакцию 29 ноября 2018 г.

UDC [882:271.2-247].06

DOI: 10.21779/2542-0313-2018-33-4-50-58

**The image of Judas Iscariot in the context of the canonical and apocryphal Gospel
in the novel of the same name by Leonid Andreev**

E.N. Shirvanova, R.M. Gadzhieva

*Dagestan State University; Russia, 367001, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a;
almirash18@gmail.com*

The article is devoted to the analysis of the protagonist of the story "Judas Iscariot" written by Leonid Andreev. The author of the article considers this story to be a "new myth" built on the basis of canonical Gospels and apocryphal "Gospel of Judas". The author proves that Andreev's interpretation of the events described in the Gospels is the writer's "search for truth". According to Andreev, the human appearance reflects the inner world of a person. So he describes Judas' face and figure in details. Characterizing his personage, Andreev notes not only the negative features of his character positive qualities as well. The author of the article considers that Andreev justifies Judas' betrayal, so he often refers to the apocryphal "Gospel of Judas" where the thirteenth apostle of Christ is represented as "the truth's bearer" and Christ's friend. But it turned out that he did not justify the personality of Judas, but the very betrayal, thereby calling into question the truth of the Gospel. Thus, the story of Leonid Andreev "Judas Iscariot" can rightfully be called a stylized apocrypha. Based on the gospel plot, the writer gives a completely opposite interpretation of the gospel characters and gospel events. But, offering his own version of Christ's betrayal of, Andreev artistically explores the truth of the concept of a man, created by the Dostoevsky's Great Inquisitor and picked up by his heir-the Nietzschean "Superman" of the XXth century, who in his claims to the possession of the truth showed the ruinous idea of the human God for all mankind.

Keywords: *Leonid Andreev, the story "Judas Iscariot", Scripture, gospel, apocrypha, myth.*

Received 29 November, 2018